

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ И ИХ РОЛЬ В ТИПОЛОГИИ ОСУЖДЕННЫХ

Т. В. Кухтина

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

Данная статья посвящена рассмотрению социальных признаков и их роли в типологии осужденных. Ставится задача, которая сводится к проверке сформулированной гипотезы: сообщество осужденных вырабатывает собственные критерии деления, и нынешний статус осужденного в этом сообществе более значим для личностных преобразований, нежели его прежний и характеризующие его показатели. В связи с этим изучались осужденные, отбывающие наказание в колониях с различным видом режима содержания. Сделан вывод, что признаки стратификации, выработанные в процессе самоорганизации сообщества осужденных, являются для них более значимыми по сравнению с социальными признаками, по которым дифференцируются граждане в условиях свободы. В этой связи можно с большей уверенностью утверждать, что личностные свойства, которые появляются под влиянием условий мест лишения свободы, тоже в первую очередь связаны с признаками стратификации, коль скоро мы не отрицаем главенствующего влияния социальной среды с набором ролей, которые она предлагает индивидам.

Ключевые слова: *социальные признаки, признаки стратификации, осужденные, личностные свойства.*

Под социальными признаками в настоящей статье мы понимаем такие, которые охватываются понятием первичных признаков социальной структуры, а также такой признак, как возраст, который, будучи социально-демографическим, тесно связан с первыми, так как они появляются у индивида чаще всего в определенном возрастном интервале.

На сегодняшний день имеется обстоятельное исследование, в котором рассмотрены социальные свойства осужденных и их значение в процессе исправления и перевоспитания [1]. Наша задача скромнее и сводится лишь к проверке сформулированной гипотезы: сообщество осужденных вырабатывает собственные критерии деления, и нынешний статус осужденного в этом сообществе более значим для личностных преобразований, нежели его прежний и характеризующие его показатели.

В полном объеме гипотеза может быть доказана только лишь после установления связи личностных свойств, проявившихся (закрепившихся) в процессе исполнения социальных ролей, предлагаемых осужденным их сообществом. Сейчас можно доказать только некоторые следствия, вытекающие из предположения: коль скоро сообщество предлагает своим членам новые социальные роли, харак-

теризующиеся определенным набором признаков, которые в настоящий момент более значимы, чем прежние, то между ними не может быть непосредственной связи. Социальные признаки связаны с положением осужденного постольку, поскольку они в свое время оказали влияние на формирование личностных свойств, которые важны при устройстве своей жизни в условиях изоляции от общества.

К первичным признакам социальной структуры относятся характер и сложность выполняемого труда, уровень общего образования, длительность профессиональной подготовки, заработная плата. Значение всех перечисленных признаков нивелируется в первую очередь за счет характера и сложности труда, выполняемого осужденными (прежние профессиональные качества имеют значение для сообщества постольку, поскольку они исключительны и способны удовлетворить актуальные потребности осужденных (изготовление предметов ширпотреба, ручные промыслы и пр.)). Показательно в этом смысле положение осужденных с высшим и средним специальным образованием. Они легче справляются с обязанностями руководителей производства низшего и среднего звена. Но спе-

цифика жизни в местах лишения свободы в том, что различные сферы жизни – производственная, бытовая, досуговая – не разделены между собой так явно, как в условиях свободы. По этой причине в общественном мнении качества личности не отделяются от признаков, характеризующих осужденного как специалиста, а напротив – существуют в тесной взаимосвязи. Поэтому мастером, бригадиром может скорее стать тот осужденный, который пользуется авторитетом и уважением среди товарищей, а не тот, кто является хорошим специалистом, но в силу личных качеств такого авторитета не имеет. В частности, если даже самый уникальный специалист в силу каких-то обстоятельств оказался в числе «отверженных», он в глазах осужденных будет прежде всего «отверженным». Разумеется, что его профессиональные качества в какой-то мере помогут ему улучшить свое положение (он не будет выполнять самые тяжелые и грязные работы, не будет подвергаться различного рода мелким унижениям и пр.), но сменить свою групповую принадлежность ему не удастся.

Не отличаются между собой представители различных неформальных групп и по уровню образования. Например, в колониях строгого режима как представители «отрицательных», так и представители «нейтральных» имеют в среднем образование 8,7 класса. У «отверженных» образование несколько ниже (8,6 класса), а у членов самодеятельных организаций осужденных несколько выше – 9,2. Отсутствие различий связано с тем, что обучение в школе рассматривается как признак исправления и перевоспитания. Поэтому многие осужденные посещают школу, чтобы иметь дополнительное основание для условно-досрочного освобождения. Часть осужденных добровольно дублируют обучение, так как видят в этом способ заполнения свободного времени, который отвлекал бы их, помогал вытеснить раздражающие мысли, избавиться от угнетающего психического состояния. Более интересными в плане исследования могли бы быть данные об образовании на момент заключения в места лишения свободы. Но и они не содержат значимых различий, которые могли бы убедить в том, что уровень образования влияет на положение осужденного в сообществе.

Наблюдаются различия в возрасте между представителями неформальных групп в ис-

правительных учреждениях разных видов режимов. Так, в колониях общего режима «отрицательные» имеют средний возраст 38,5 года, «нейтральные» – 34,4, «отверженные» – 36 лет, представители самодеятельных формирований – 29,5 года. Довольно заметные различия в возрасте между представителями одноименных групп на разных видах режимов объясняются следующими причинами. Во-первых, в условиях колоний общего режима социальная среда только лишь начинает складываться. Поэтому сообщество осужденных – «мы» – не противопоставлено всем тем, кто живет на свободе, и администрации – «другим» с такой силой, как это наблюдается в колониях строгого и особого режимов. Во-вторых, «отрицательные» в колониях общего режима – это, скорее, те осужденные, которые в силу каких-то соображений просто не считают нужным сотрудничать с администрацией, а рассчитывают на добросовестный труд, примерное поведение как основание условно-досрочного освобождения. В-третьих, относительно небольшие сроки лишения свободы не ставят осужденных так остро перед выбором: отказаться от сотрудничества с администрацией и лишиться ее расположения или начать активное сотрудничество с ней, противопоставив себя сообществу осужденных. Все перечисленное приводит к тому, что в разряде «отрицательных» в колониях общего режима оказываются более взрослые осужденные, которые в силу житейского опыта, сформировавшихся личностных свойств, крепости характера и т.п. выделяются в сообществе, где преобладающее большинство составляют молодые люди. Показательно, что «общественники» в колониях общего режима отличаются более высоким уровнем образования, более сложным трудом, который они выполняли до заключения, то есть всем тем, с чем в условиях свободы связывается социальная активность. Одним словом, в колониях общего режима, где среда только лишь начинает складываться, прежние признаки стратификации еще не утратили значения. Что касается возраста «отверженных», то он объясняется их образом жизни на свободе: это преимущественно бродяги, которые попали в число «отверженных» из-за собственной неряшливости, неопрятности, слабого интеллекта и т.п.

В колониях строгого режима, где социальная среда может быть названа классической, группы осужденных не отличаются воз-

растом. Несколько старше, на два года в среднем, лишь «нейтральные». Такое распределение возрастов может свидетельствовать в пользу уже высказанного предположения: в местах лишения свободы более значимы признаки стратификации, выработанные сообществом осужденных. Поэтому возраст и связанные с ним признаки утрачивают то значение, которое привыкли придавать ему мы, живущие в условиях свободы.

Уважением в сообществе осужденных пользуются те из них, кто имеет значительный «стаж» нахождения в местах лишения свободы, и те, кто приобрел его в более тяжелых условиях. Нормы, выработанные сообществом осужденных, обязывают помогать членам его независимо от их статуса, если они оказались в штрафном изоляторе или помещении камерного типа. Сострадательное отношение к ним сохраняется и в течение некоторого времени после выхода оттуда. Похожее отношение проявляется и к тем осужденным, кто часть срока отбыл в тюрьмах. Они пользуются заметным авторитетом в сообществе. Даже «отверженный», отбывший часть срока на тюремном режиме, занимает своеобразное привилегированное положение. Он, конечно, не может изменить своего статуса, но подвергается меньшим притеснениям, пользуется покровительством со стороны осужденных, которые также отбывали наказание в тюрьмах и принадлежат к другим группам.

Осужденные, длительное время проведенные в местах лишения свободы, могут отойти от активной деятельности в сообществе, даже если они принадлежали к «отрицательным», при этом сохраняя авторитет. Им оказывается помощь, к ним нередко обращаются за советами. К таким их мотивам, как желание «провести остаток дней на свободе», «оказать помощь престарелым родственникам» и т.п., как правило, окружающие относятся с уважением. Поэтому отход от активной деятельности, если, разумеется, он не вызван сотрудничеством с администрацией, не осуждается, так как за ним стоит в первую очередь стремление к скорейшему освобождению. Даже «отверженные», относящиеся к числу ветеранов, заслуживают добродушно-снисходительного отношения.

В то же время стаж пребывания в исправительном учреждении и его характеристика учитываются сообществом, но не являются

решающими, когда речь заходит о притязаниях на то или иное положение в лидирующих группах. Можно заметить даже, если так можно выразиться, что уважают одних, а руководят другие. Доказательством этому служат следующие данные: представители «отрицательных» и «нейтральных» в колониях строгого режима не отличаются числом судимостей; представители всех групп на всех видах режимов не отличаются средним сроком наказания, чтобы на основе этих различий сделать какие-то существенные выводы. Единственное, что обращает на себя внимание, – средний срок наказания у членов самодетельных формирований в колониях строгого режима: он больше, чем у «отрицательных» и у «нейтральных». Видимо, в данном случае вновь проявляется обстоятельство, о котором говорилось ранее: имея большие сроки наказания, осужденные быстрее решаются на сотрудничество с администрацией с целью скорейшего освобождения. Такого рода объяснение, связанное с добровольным выбором, а не с вынужденностью, которая могла быть вызвана стремлением избежать наказания со стороны сообщества за нарушение его правил, представляется более предпочтительным. В противном случае не было бы столь очевидных различий.

Женщины отличаются от мужчин по этим показателям тем, что «общественницы» среди них старше «отрицательных». Это связано с тем, что причисление к «отрицательным» в женских колониях связано со специфическими нарушениями, причина которых лежит в сексуальной сфере. Поэтому более взрослым легче удерживаться от нарушений. Кроме того, сдержанность подкрепляется желанием досрочного освобождения, так как у многих на свободе остались семья, дети.

В заключение следует заметить, что осужденные различных групп не отличаются составами преступлений, за которые они осуждены. Все виды преступлений, встречающиеся среди изученной совокупности осужденных, распределены среди разных групп с равной частотой.

Таким образом, можно утверждать, что признаки стратификации, выработанные в процессе самоорганизации сообщества осужденных, являются для них более значимыми по сравнению с социальными признаками, по которым дифференцируются граждане в условиях свободы. Личностные свойства, кото-

рые появляются под влиянием условий мест лишения свободы, тоже в первую очередь связаны с признаками стратификации, коль скоро мы не отрицаем главенствующего влияния социальной среды с набором ролей, которые она предлагает индивидам.

Литература

1. Михлин, А. С. Личность осужденных к лишению свободы и проблемы их исправления и перевоспитания / А. С. Михлин. – Фрунзе, 1980. – 200 с.

Кухтина Татьяна Владимировна – преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск. E-mail: upiup@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 2 октября 2015 г.

DOI: 10.14529/law150405

SOCIAL SIGNS AND THEIR ROLE IN THE TYPOLOGY OF CONVICTED PERSONS

T. V. Kukhtina

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

This article considers social attributes and their role in the typology of the convicted. The problem which reduces to the verification of the formulated hypothesis is specified: a community of convicted persons develops its own division criteria and the present status of the convicted person in this community is more significant for personal transformations than his former one, and its characterizing indicators. In this regard, we studied convicts serving their sentence in colonies with different types of custodial control. It is concluded that the signs of stratification, developed in the self-organization process for the community of convicts, are more important as compared to social features according to which citizens in freedom are differentiated. In this regard, one can state that the personal qualities that appear under the influence of detention conditions are primarily concerned with the stratification signs, as long as we do not deny the dominant influence of the social environment with a set of roles that it offers individuals.

Keywords: *social features, signs of stratification, convicted person, personality.*

References

1. Mikhlin A. S. *Lichnost' osuzhdennykh k lisheniyu svobody i problemy ikh ispravleniya i perezovospitaniya* [The person sentenced to deprivation of freedom and the problem of their correction and re-education]. Frunze, 1980, 200 p.

Tatyana Vladimirovna Kukhtina – lecturer of the Constitutional and Administrative Law Department, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation. E-mail: upiup@mail.ru.

Received 2 October 2015.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Кухтина, Т. В. Социальные признаки и их роль в типологии осужденных / Т. В. Кухтина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2015. – Т. 15, № 4. – С. 33–36. DOI: 10.14529/law150405

FOR CITATION

Kukhtina T. V. Social signs and their role in the typology of convicted persons. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law*, 2015, vol. 15, no. 4, pp. 33–36. (in Russ.) DOI: 10.14529/law150405